

Чашки, кошки и «картошка»

За весенней сессией последовало то, что составляет особую прелесть учебы на Биофаке – летняя практика. В то время она для первокурсников проводилась на агробиостанции Чашниково, там мы разошлись по кафедральным группам, в которых доучились до выпуска.

Мы жили в обычных армейских палатках на десять коек. Июнь 68-го был не слишком жарким, а ночью температура падала до 8 – 9 градусов. Первой же такой ночью я стал радикально замерзать, в полусне попытался что-то на себя напялить, понял, что это не поможет, и инстинктивно заполз между двумя матрасами, постеленными на койку. Было тяжело, но от холода это меня спасло, и даже удалось заснуть!

Первой частью практики были занятия по высшим растениям, которые вел у нас тогдашний замдекана Герман Палыч Гапочка. Мы прогуливались по лесам и полям, окружающим биостанцию, собирали цветочки и учились определять их с помощью «Определителя растений Подмосковья». Для зачета требовалось набрать и запомнить 100 видов растений. Экскурсии шли под всякие веселые разговоры с преподавателем, про которого мы знали, что сам он в бытность студентом изображал слепого в послевоенных электричках, идущих к звенигородской биостанции, и радовал пассажиров бессмертным хитом

*летят по небу кусочки командира
их не собрать уж никогда...*

На полученный в вагонах «гонорар» приобреталась еда для всей его группы.

Мы были ОЧЕНЬ молодыми // планктон прекраснейший несли. Таня Балакина, я и Аман Мухамедов с добычей.

Как-то раз мы топали нашей группой физиологов по полю, изрезанному мелиоративными канавами, потому что места там довольно болотистые. Ширина такой канавы – метра два с половиной – три, и парни

перепрыгивали их легко. Девочек, которые маленько не долетали, подхватывали за руки и втягивали на берег. Сам Герман Палыч взял препятствие без напряжения. Но вот одна из девочек, не самого спортивного вида и, скажем, достойных форм, разбежалась, взлетела... Дальше мы наблюдали явное нарушение законов баллистики: тело, выпущенное под некоторым углом к горизонту, взлетело по подобающей параболе, а потом в высшей точке полета вдруг утратило всякую инерцию, по расчетам – немаленькую, и отвесно камнем ушло точно в середину канавы, увязнув там по колени. Трясинистый грунт ощутимо содрогнулся. Преподаватель, не удержавшись, прокомментировал: – Этот удар отметили все сейсмологические станции Европы!

Девочка разрыдалась от обиды, мы-то, жестокосердые, заржали, а Герман Палыч потом не знал, как утешить нежное создание...

Вслед за ботаникой пошла энтомология, где набрать требуемые 100 видов насекомых было куда труднее, чем травок – в Чашниково едва набиралось столько, и некоторые оборотистые деятели стали таскать из Москвы черных и рыжих тараканов и толкать по полтинничку ленивым в энтомологии. Мы в погоне за недостающими видами отправились на болото, а я, по глупости и невежеству – в шортах. Налетевшие слепни устроили мне кровавую баню, да такую, что я на всю жизнь запомнил, что к ним ротовой аппарат – режущий, ноги были после этой прогулки, как расстрелянные из малокалиберного пулемета... Недобренные виды наловили в морилки с цианидом на мелиоративных канавах вдоль которых носились туда-сюда стрекозы и гоняли вверх-вниз однодневки.

Следующим номером обширной программы чашниковской практики была гидробиология, которую вела преподавательница, вставлявшая к месту и не к месту слово-паразит «на предмет» - идем на пруд «на предмет планктона», что нас почему-то то ли злило, то ли веселило. Однако, она нам устроила веселую экскурсию на натуральное наплавное болото. Я там опять попался на незнании и самоуверенности: отправился скакать по кочкам, до которых легко было допрыгнуть с покачивающегося под ногами края наплавного слоя трав, но не учел, что кочка под моим весом довольно быстро стала тонуть, и обратно до берега я уже не долетел, плюхнулся пузом на край береговых трав и вылез на берег, мокрый по пояс... Но мы там всего наловили...

Вскоре после начала практики случилось экстраординарное событие – вдруг нам сообщили, что есть возможность перейти с потерей года в один из восточноевропейских университетов – Карлов в Праге, Краковский, Будапештский, Берлинский... Что-то меня эта перспектива не поманила – подумал, что учиться лучше на родном языке, и меня вполне устраивает и качество обучения, и компания, в которой оно протекает. Да и с моей анкетой можно было особо не суетиться насчет выезда... Однако, кое-кто из коллег возбудился и стал собирать документы.

Был среди возбудившихся и некто по кличке «Рубль» из группы антропологов. Кличку он заработал, потому что еще в сентябре одолжил у Володи Деулина «юбилейный» рубль, и все никак не мог собраться отдать. Целковый по тем временам был вполне серьезными деньгами – день можно было нормально прожить, а ненормально – так и два, но не настолько серьезными, чтобы за год не наскрести и не отдать.

Всех особенно умиляло, что свои путанные объяснения при встрече с кредитором он неизменно начинал словами: - Ты понимаешь, старик..." Постепенно это превратилось в аттракцион: ребята специально караулили "Рубля" на мостике (он же – сачкодром), чтобы послушать эту песню и даже делали ставки на то, какую именно вариацию он исполнит на этот раз.

Вот этот деятель и возмечтал смыться в Европы, где о его качествах пока еще никто не слышал. Но для начала ему нужна была характеристика комсомольской группы. Сам я на этом заседании не присутствовал, но, по рассказам, оно прошло в обстановке высокой принципиальности и нетерпимости к жадности и жлобству. В результате, комсорг антропологов Надья Клевцова от стремления уесть Рубля окончательно всадила ему в характеристику вместо стандартного «морально устойчив» двойное отрицание – «аморально неустойчив».

Конечно, все это кончилось ничем, и никто никуда не поехал...

Когда занятия заканчивались, начиналась студенческая вольница. Большинству из нас было по 18 – 19, так что бурсацких затей было предостаточно. Среди них – регулярная кража дежурного колокола - пустого газового балона, в который били, созывая на линейку и по тревоге. Его обычно утаскивали в лес, а, когда он

Чашки. Дежурный колокольчик

окончательно надоед утренняя побудкой, парни с кафедры биофизики утопили его в пруду.

Не менее, а даже более регулярный характер приобрел еще один промысел – ночью в палатку входили люди, привязывали спящего простынями к койке и выносили на ней в лес. В основном этой процедуре подвергались члены комитета комсомола и те, кого подозревали в стукачестве. Но было двое студентов, которых курс как раз по последней причине откровенно ненавидел и просто-таки собирался побить.

Один из них, студент В., ситуацию просёк и ночевать в

Чашках перестал – выходил вечером на Ленинградское шоссе и подхватывал попутку до Москвы, а утречком являлся на линейку с электрички.

Студента Д. не любили, пожалуй, еще больше, но он скрываться в Москве поленился, и, когда его слегка помяли, перебрался ночевать в медсанчасть. Вот туда-то и явилась ночью толпа курсовых мужиков с замотанными физиономиями, только один был без маски – Арсен Пурунджан обладал настолько индивидуальной, квадратной фигурой штангиста, что никакой камуфляж его бы не замаскировал. Все было организовано хреново – никакой разведки и доразведки, вломились в медпункт, разбили стекло, только разбудили медуницу, а Д. тем временем смылся через задний проход. Побуянили, погалдели и разошлись с

*Кирилл Александрович
Воскресенский*

чувством выполненного долга – «не догнали, так хоть согрелись...»

Наутро обнаружился сюрприз – медуница, насмерть перепуганная ночным налетом, позвонила в милицию, и на станции появился мотоцикл с начальником отделения и дознавателем.

Здесь исключительно активно и авторитетно сработал один из руководителей практики доцент Кирилл Александрович Воскресенский, между прочим, в свое время ушедший в московское ополчение, попавший в окружение, кончившееся для него пленом под Вязьмой, затем побегом и действиями в рядах партизан. Он быстро велел собраться всем курсовым парням и сказал в присутствии ментов: - Вот здесь собраны ВСЕ молодые люди курса, они осознают свою вину и приносят свои извинения перед фельдшером, студентом Д. и милицией...

В этой круговой поруке возможность искать зачинщиков, организаторов и вдохновителей тонула совершенно – менты прикинули, что групповуху на 100 студентов МГУ им оформить все равно не дадут, и

отвалили, погрозивши пальчиком.

Однако, и либерализм Воскресенского оказался не безразмерным и появившийся на следующий день на одной из палаток лозунг «Да здравствует Великий Князь Кирилл Александрович!» он воспринял совершенно без всякого юмора и с перекошенным от злости лицом велел стереть немедленно...

Руководство практикой еще попыталось поддерживать дисциплину сна и отдыха студентов, начальник практики Филин периодически практиковал ночные налеты на палатки – кто гуляет после 23, и заставлял в палатках лишь свернутые матрасы под одеялами, символизирующие спящих студентов. Поэтому

бутафория прекратилась – гуляли и пили по ночам все, а всех с практики не выгонишь. На одной из палаток вызывающе художественным шрифтом красовалось:

- Детей бояться – в лес не ходить!

Большую часть ночи курс проводил в окружающих станцию лесах за веселыми попойками, своего гитариста в группе не нашлось, но нам колоссально повезло, что к нам прибился вечерник Мишка Вайсфельд, обладавший прекрасной, редкой для студентов, гитарной техникой и знавший массу отличных песен. Просыпаться потом было трудно, но не отказываться же от такого удовольствия!

Тем летом в жизни нашей семьи случилась важная перемена – родители поменяли квартиру, и мы оказались в самом что ни на есть центре Москвы – в Боброве переулке прямо напротив Главпочтамта. Там обнаружился киоск Союзпечати, торгующий иностранной прессой, а по соседству – магазин «Кофе-Чай», заливающий всю окрестность непередаваемым сумасшедшим ароматом. Я вообще оказался кругом в выигрыше: дорога до МГУ в обход Шелепихинской тюрьмы сократилась вполтину, «Ческословенски спорт» и «Копана» – на расстоянии вытянутой руки, а кофе... Вот тогда у меня начался роман с этим напитком – подучившись у однокашника Вити Волкова, я стал практиковаться в приготовлении кофе в турке, покупая в знаменитом магазине смесь Арабики, Хараре, Йемена и Сантоса. Оказалось, что в сочетании с рюмкой коньяка и чудовищными кубинскими сигаретами «Лигейрос» из сигарного табака чашечка кофе образует совершенно фантастическое сочетание, которое, впрочем, можно потреблять, только будучи молодым и в идеальной физической форме.

Я вернулся в Москву и догуливал последние дни своих первых летних студенческих каникул, и мои маршруты, естественно пролегли вблизи от любимых мест. У родного стадиона как-то пересекся с дуэтом форвардов хоккейного «Динамо» Мальцевым и Мотовиловым, окруженный парой десятков прихлебателей, прихлебывавших, судя по всему, весьма активно. Коллектив шумно проследовал вдаль, оставив за собой шлейф характерного амбрэ...

Потом один всезнающий болельщик меня просветил на этот счет. Саша Мальцев тогда только-только триумфально дебютировал. За один сезон он стал основным в «Динамо» и в сборной, взял бронзу на Союзе, выиграл первенства мира и по молодежи, и по взрослым. В конце сезона за все эти заслуги получил он солидный по тем временам гонорар и заявил, что жить больше в динамовском пансионате не будет. А будет он снимать комнату у центра своей тройки Мотовилова, который чуть раньше получил квартиру на Соколе. Жил он, правда, скромно – по рассказам там имелись стол, стул и раскладушка. Богатенький Саша первым делом приобрел на свои гонорары остродефицитный мебельный гарнитур, и друзья загудели...

Когда межсезонье закончилось, героев не оказалось на первой тренировке, и за ними была снаряжена экспедиция в составе Чернышова и Давыдова, динамовских тренера и капитана. Они вскрыли берлогу и извлекли опухших от отдыха бойцов. Обстановку теперь составляли стол, стул и две раскладушки. Той осенью на устном журнале писавший о спорте Дворецкий извинялся: «Ну, что вы хотите, мальчик из Кирово-Чепецка приехал, он в Москве в первый раз трамвай увидел...»

А у стен Лужников я наткнулся на афишу: «Матч ветеранов ЦСКА – Динамо. Вход свободный» Ну, разве можно было устоять? Как всякая советская халява, эта тоже оказалась липовой – вход был бесплатный, но надо было купить лотерейный билет за рубль. На обычные-то матчи можно было за 80 копеек сходить, если не прикинуться малолеткой и не отхватить билет за гривенник. А тут – рубль, но коготок уже увяз – не уходит же!

На поле были те из великих, кто еще ноги таскал – Гринин Алексей пробыл на поле в тот раз уже недолго, игроки быстро стали заменяться, но играли на полном серьезе; Валентин Саныч Николаев как-то совсем утратил спортивность фигуры. Жалко как-то стало – считался самым мобильным и

неутомимым игроком «команды лейтенантов». А вот Александр Петров, наоборот, стройный, подтянутый, сохранивший, на фоне сверстников, скорость, смотрелся очень браво и живо напомнил самого себя времен 50-х, когда он играл за нашу основу. Вскоре умер. Как сыграли – не помню, да это для меня оказалось и не важно. Просто понял для себя, что существуют вещи невозвратные.

Осень 68-го года началась для нас «картошкой» - выездом на месяц на сельхозработы. Нам, правда, досталась свекла, морковь и турнепс. Мы должны были убирать овощи с колхозных полей, обрубать ботву и грузить в трейлеры, которые доставляли эту продукцию либо прямо в магазины, либо на овощебазы, где ее гноили до зимы.

Курс вывезли в деревню Ланьшино Серпуховского района и поселили в пионерском лагере. Нашей группе физиологов коек не хватило, зато досталось неограниченное количество матрасов, мы застелили ими всю комнату, а спальные места обозначили тем, что положили там по три матраса. Так была решена проблема сквозняков из щелей в полу и вопрос с мытьем полов – сапоги автоматически оставались за дверью. Там же проветривались и портянки...

Возили нас на поле в тракторном прицепе. Народ набивался битком и трясся по колхозным колдобинам, но было очень весело. Потом, правда, стало не так весело, когда где-то по соседству такой же прицеп опрокинулся, были погибшие – накрыло бортом... После этого кататься в прицепе строго запретили, и на поле пришлось топтать пешком. Там мы дергали свеклу, турнепс и морковку, срубали ботву и сваливали в мешки. Кто-то нам сказал, что норма – 25 мешков на брата за день, и мы поначалу восприняли это серьезно. Потом – присмотрелись к пейзажу и увидели колхозных мужичков, которые занимались, как бы, тем же самым, но скорость их работы не тянула даже на один мешок... Секрет спокойствия и неспешности этих деятелей советского сельского хозяйства вскрылся, когда нам перед отъездом домой принесли расчетную ведомость, согласно которой мы, в произвольном порядке, заработали за месяц кто три рубля, кто – рубль с полтиной. Остальное мы, как бы, проели, хотя кормежка на ресторанный была несколько не похожа. Естественно, монотонный сельхозтруд надо было разбавить каким-нибудь развлечением, поэтому появились попытки с максимального расстояния поразить свеклой корзины, чтобы развить целостность метания и заодно сэкономить силы на хождении с грузом по полю.

Одно из этих самых развлечений со свеклой. В данном случае свеклометатель Валя Негрук пытается забросить ее прямо в корзину метров с шести, чтобы, значить, далеко не ходить... Спинай стоит Семеныч Сычев, а слева, нерезкий, в ватнике под ремень – автор этого текста

Однокурсник Володя Деулин, прочитав мои заметки о той осени, написал небольшую собственную меморию и прислал мне для серии «Бреды и анекдоты». Там он пишет, что в самый первый день, который был по-летнему жарким, несколько парней грузили капусту на берегу старицы. В перерыв полезли в воду. Несколько кочанов, прихваченных с собою, моментально превратили в мячи, и начались "молодецкие игры": нечто среднее между водным поло и круговой лаптой. Во всяком случае, броски направлялись прямо в голову друзьям-соперникам. Некоторое время все успешно уворачивались, что только распаляло бросающих, и, наконец, случилось то, что должно было случиться: увесистый кочан угодил кому-то в голову, повергнув несчастного в состояние "грозги". По счастью пострадавший быстро очухался, но игра само собою увяла.

Заодно, поскольку в наши обязанности входила и обрубка ботвы, очень скоро появился специфический спорт: в воздух подбрасывали свеклу покрупнее, и ее налету надо было ножом разрубить на части. Ножики, надо сказать, у народа были разнородные – от кухонных до немецкого ножевого штыка... Насобачились быстро, и уже через несколько дней место уборки урожая было завалено обрубками свеклы, а кое-где – и турнепса...

Здесь снова уместно дать слово Володе.

Надо сказать, что в компаниях молодых мужчин, тем более на принудработах, время от времени случаются вспышки как бы коллективного помешательства. Вот такой приступ безумия случился, когда в палату, где мы квартировали, залетела бабочка. Это был тот благодатный момент после ужина, когда все просто лежали на кроватях, набираясь сил для ночных подвигов. И вдруг появилась бабочка и принялась бессмысленно порхать по комнате. Кто-то попытался схватить ее рукой, кто-то попробовал сбить тряпкой, а кто-то, вертевший в руках нож, со всей дури рубанул воздух в том месте, где только что кружилось несчастное создание. И тут все мужики разом вскочили с кроватей, достали тесаки и бросились за бабочкой, неистово молотя воздух ножами. Дюжина мужиков, беспорядочно размахивающих ножами в замкнутом пространстве, - зрелище не для слабонервных! Бабочка, между тем, оставалась неуязвимой. В конце концов, когда измученное насекомое присело на стену, кто-то нанес сокрушительный удар ногой. Бабочка упорхнула, фанерная стенка была проломлена. Вид зияющей дыры в стене быстро всех отрезвил. Дыру закрыли каким-то плакатом.

Свекла-68. Павшие бойцы битвы за урожай (я - слева).

Семейный архив

В тот раз обошлось, но вскоре такие забавы закончились тем, чем не могли не закончиться. При очередной рубке летящей свеклы обладатель одного из самых здоровенных ножей на курсе промазал по овощу, зато по собственному большому пальцу на левой руке попал так, что почти напрочь отрубил две фаланги. Их ему потом пришили на место в серпуховской больнице...

Та осень, кроме упомянутого первого дня, выдалась нежаркой, и нам в поле приходилось надевать кроме сапог еще свитера с телогрейками. Когда мы возвращались с полей, особо согреться было негде, потому что корпуса, где мы жили, не отапливались. Не отапливался и клуб, в котором по вечерам под

собранные со всего курса магнитофонные ленты с несоветской музыкой танцевали все в тех же ватниках. КПД танцев от этого снижался не меньше, чем наполовину...

Анук Эме

Раз в несколько дней нас развлекали – привозили кинопередвижку. Аппарат был один, и когда меняли бобины с частями фильмов, включали свет. Однажды привезли «Мужчину и женщину» Клода Лелюша с очаровательной Анук Эмме и мужественным Жан-Луи Тринтиньяном. Фильм – эпохальный, в нем была первая постельная сцена, которая, наконец, достигла глаз советского кинозрителя. Вот в самой середине этой сцены и закончилась очередная часть, и включили свет. Народ сидел в некотором

напряжении. И тут со своего места встал комиссар нашей картошки, наиболее известный тем, что мог прийти к любому из наших костров и выжрать всю водку. Встал он и громко объявил: – Завтра – смена постельного белья!

Тогда же на новый лад была возрождена древняя биофаковская игра еще тех времен, когда факультет гнезился на Моховой. Суть игры состояла в том, что в перерыве между лекциями двое спорящих должны были выйти на лестницу и, в соответствии с результатами предварительно проведенного жребия, первый должен был проорать на всю лестницу: - Жопа! Второй из участников обязан был, выждав обусловленное время – достаточное, чтобы все окружающие успели осознать, что проорал первый, повторить вопль «жопа!!!» громче первого. Тот, кто уклонялся от своей очереди, считался проигравшим, а победитель получал сумму пари.

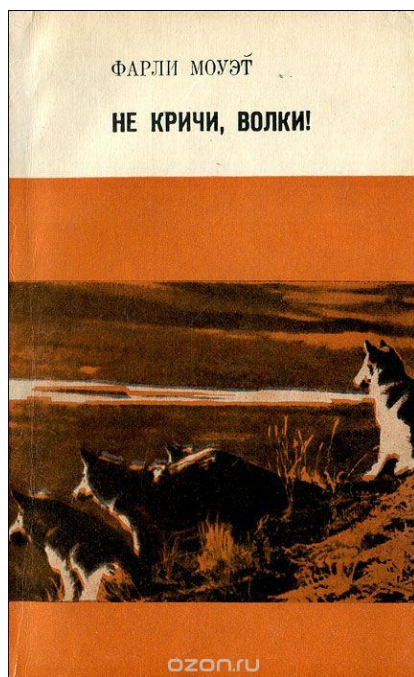
У нас, в отличие от древних биофаковцев, все было совершенно бескорыстно – никаких пари не заключалось, и все сводилось к групповому самовыражению: после отбоя один из мужских корпусов начинал в полсотни глоток скандировать «жопа!», а другие корпуса старались его переорать. Синтез названия игры с предметом наших трудов – свеклой – и образовал мем «Свепа», прилепился и символизировал наше времяпрепровождение в деревне Ланьшино.

Вот сейчас, перечитывая все, что вспоминается о той свепе-68, поражаешься дикости некоторых развлечений и тому, сколько счастья и веселого детского смеха они тогда вызывали. И лучше понимаешь сказанное у Екклезиаста: - Не говори: "отчего это прежние дни были лучше нынешних?", потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

На смену нам в конце сентября прибыли второкурсники с филфака... Ну, во-первых, это были по большей части второкурсницы, известное дело – «факультет невест», во-вторых, в отличие от разночинного биофака – отчетливо «советско-аристократическая» публика. Выгрузка филфаковских из автобусов и марш в пионерлагерь выглядели полной копией прибытия пополнения анархистов в морской полк в фильме «Оптимистическая трагедия». По крайней мере так у меня отложились следующие развинченной походкой в модельных сапожках и импортных курточках девицы-филологини, с ярким макияжем и обвешанные бижутерией, на фоне рядов наших уже основательно замызганных за месяц ватников... Ох, я думаю, это филологическое воинство там наработало... Все-таки у нас на курсе было много парней, и было кому таскать и грузить 40-килограммовые мешки...

Второй курс был для меня озаглавлен практикумом по зоологии позвоночных, который блестяще провел для нас Борис Дмитриевич Васильев. Его огромная эрудиция, остроумие и доброжелательное отношение к нашей группе превратили этот довольно трудоемкий курс в удовольствие. Именно там я прочувствовал принцип биологической эволюции, который определил мое научное мировоззрение на будущее. Когда под мокрой тряпкой и мелом в руках Бориса Дмитрича минимальные изменения превращали схему кровообращения ланцетника в рыбу, потом в систему земноводных, пресмыкающихся и млекопитающих, единство плана строения организмов становилось очевидным. Впоследствии, переводя на русский фундаментальный учебник Смита «Биология сенсорных систем», я обнаружил у него цитату из классика биохимии Жакоба: - Природа – халтурщица! Она ничего не может сделать заново, а только переделывает старое.

Той же осенью, уходя домой, я заметил в факультетском книжном киоске книжку в рыженькой обложке со странным названием: «Не кричи, волки!» и совершенно незнакомым именем автора – Фарли Моуэтт. Взял, перелистал, зацепился глазом, и понял, что это – вещь! К счастью, в кармане нашелся рубль, и я утащил добычу к себе в темную комнатку в Боброве переулке. Собственно, туда я ее дотащил практически прочитанной – как открыл на факультете, так, читая на ходу, почти всю ее по дороге и проглотил... Назавтра я раззвонил всем друзьям, какая это потрясная книжка о полярных волках, и с каким юмором она написана, и остаток тиража в киоске на факультете смели подчистую...

Обездоленным остался только Мишка с вечернего, который тогда как раз увлекался кинологией – наукой о собачьих. И вот Мишка приступил ко мне: - Продай! Предлагал сначала рупь с полтиной за книжонку, у которой номинал был копеек 80, потом поднял до двух с полтиной, чуть не на колени становился... Я отнекивался, но потом, когда Мишка явно вознамерился задрать цену до заоблачных трех рублей, просто подарил ему ее... Сначала жалел о своей мягкотелости, потом забыл про все это, а вспомнил, когда у нас вырос сын, и, конечно, его надо было познакомить с этим шедевром мировой литературы. Пришлось выпросить книжку у кого-то из знакомых, отскерокопировать и переплести. Так что сын не остался в обиде...

Между прочим, на долгое время это стало основным путем пополнения нашей семейной библиотеки. Где-то с середины 60-х годов книги, которые до того стояли в магазинах годами без спроса, вдруг стали предметом дефицита, спекуляции, добычи с помощью блата, продажи по предварительной записи с переключками раз в месяц. Особенное сумасшествие возникло вокруг подписных изданий с их стандартными радующими глаз книговладельца корешками, не разрезанных и ни разу в жизни не открытых бесконечных томов Горького, Ромен Роллана или Рабиндраната Тагора. Абсолютный психоз настиг советского потребителя, когда за 20 килограммов сданной макулатуры стали выдавать талоны на «Женщину в белом» Уилки Коллинза. Ради них люди, лишь выдрав шмуц-титuleльный лист (иначе книги не принимали в

макулатуру)), сдавали у меня на глазах тома собрания сочинений Чехова и на слезную просьбу продать любимого классика требовали талоны на эту гребаную «Женщину»...

Понятно, мне все это было не нужно, но и нужного было не достать! В итоге, когда я уже стал работать, мы с шефом скооперировались и стали выпрашивать у друзей и коллег интересные нас книги, и знакомая шефа в одном из соседних академических институтов делала нам копии на ксероксе. Я обучился мастерству твердых переплетов, обзавелся переплетным станком и доводил добычу до товарного вида. Так нашу библиотеку пополнили недостающие Стругацкие и малоизвестные довоенные издания Булгакова. Неудача постигла меня только с «Гадкими лебедями» - после пятилетних поисков удалось раздобыть только шестую копию с пятого ксерокса, в которой некоторые слова вообще не читались, и как правильно пишется имя одного из главных молодых героев – Бол-Кунац – я узнал только когда купил нормально изданную типографским способом книгу уже году в 90-м...

На втором курсе я предпринял первую попытку экспериментальной работы – стал учиться ставить опыты по изучению механизмов мозжечка. Кошек для этого приходилось самому ловить на улицах – старшие товарищи научили, как для этого использовать бутерброд с колбасой. Получалось, но пару раз пришлось проявить спринтерские качества, когда мой промысел был сочтен предосудительным.

По дороге на работу садился со своим голубым ящиком с кошкой в 39-й трамвай. Кондукторша объявляла остановку у старого корпуса Университета дружбы народов на улице Орджоникидзе, что напротив Донского монастыря с его кладбищем: - Крематорий! Дружба Народов!

Значит - скоро мне выходить...

Тогда же были приобретены первые навыки по вивисекции, чтению специализированной литературы при осознании беспомощности в английском и необходимости срочно это исправлять, а также получению и перевариванию массы новой информации по науке и даже философскому подходу к ней. Запомнился в этом плане рассказ занимавшегося с нами МихалБорисыча Беркинблита о задаче про автоматы, которые едят.

Эксперимент состоял в том, что на черных полях шахматной доски располагались автоматы, которые «умели» распознавать количество «пищи», а на белых – эта самая пища в разных условных количествах. Автомат из, максимум, четырех доступных, был способен выбрать поле с наибольшим количеством условных единиц «корма». Введение автомату «второго уровня рефлексии» позволяло ему просчитать на 1 ход поведение других автоматов и выбрать оптимальный вариант – например, поле с 3 единицами «корма», к которому имел доступ он один, а не с 5-ю, куда могли попасть еще три конкурента. Уровень рефлексии у автоматов в эксперименте повышался до способности «просчитывать поведение конкурентов» на 8 - 9 ходов.

Очень забавный результат получился в эксперименте, когда на «шахматной доске» присутствовали автоматы с разным уровнем рефлексии. Лучше всех питались «середнячки» с 4 – 6-м уровнем, дальше шли «тупые» - с 1 – 2-м, а последними оказались интеллектуалы с 8 – 9-м, которые считали окружающих умнее, чем они были на самом деле, и каждый раз выбирали гарантированный минимум...

Не знаю, как другим, а мне похожую задачу в жизни приходилось потом решать не раз, правда, я недолго мучился с ней обычно.

Масса возни была и чисто технологической - процесс изготовления микроэлектродов до изобретения внутренних филаментов, обеспечивающих их самозаполняемость за счет капиллярных сил, был долог и тягомотен – после собственно вытягивания электрода, его кипятили в спирте, а потом оставляли на ночь заполняться 3-х молярным хлористым калием. Беда была в том, что в очень многих микроэлектродах оставались пузыри, и электрод пропадал. Иногда из всей партии не находилось пригодных.

На этот случай было спецсредство – оказалось, что кошачий ус, имеющий коническую форму, достаточно гибок и при этом достаточно жесток, чтобы залезать им в шейку микроэлектрода и выгонять

оттуда самые зловредные пузыри. В усах недостатка не было – масса нейрофизиологических лабораторий именно на кошках и работала.

Большей проблемой стала для меня «болезнь осциллографа» – тогда у этих приборов не хватало мощности луча, и поэтому приходилось работать в темноте. Неделями не мог заснуть – закрывал глаза, и тут же на черноте возникала ярко-рыжая осциллограмма... Впрочем, подобное случались не только со мной. Как-то раз я заканчивал опыт, и тут в комнату вваливается девица из соседней лаборатории – боевитая такая особа, язык, как бритва, и родным русским языком владеет во всей его полноте.

Входит, и я вижу, что она ревет в три ручья.

- Ой, не могу, она опять себе язык откусила...

Она работала на дыхательном центре кошек, делала высокие перерезки спинного мозга, ну, и случались с подопытными такие эксцессы. В какой-то момент у самого толстокожего физиолога или медика случается истощение, кризис...

Я тогда, во-первых, был еще личинкой, а во-вторых, спирт у меня был только тот, в котором кипятились микроэлектроды. Так что единственное, что мне пришло в голову, это – сунуть девушке в зубы сигарету и дать прикурить. Удивительно, но помогло. Минут через десять она перестала шмыгать носом, сказала, что в порядке и ушла прибирать поле боя. У меня потом было нечто подобное, но в намного более легкой форме – пару недель, чтобы взять кошку в руки, приходилось делать над собой заметное усилие. Вообще-то кошек я люблю, и в России у нас в доме много лет жили эти звери...

Опыты я ходил ставить на Ленинский, 33 в Отделение биологических наук, там на вахте я столкнулся с реликтом древнесоветских времен – настоящей ВОХР.¹ Тетки, сидевшие при входе в здание, не только отличались редкой злобностью и занудством – требовали от меня каждый раз заказывать и получать пропуск, так они еще и были экипированы в довоенную форму с отложным воротником, на который были нашиты квадратные петлицы, украшенные у их начальницы четырьмя треугольничками, что соответствовало званию старшины.

Вновь соприкоснулся я и с современной родной армией, которая носила вместо петлиц погоны – пришла пора военной кафедры. Нам сразу же выдали инструкцию по поведению студентов, проходящих специальную (военную) подготовку. Там было примерно две страницы разных запретов, включая общение с иностранцами, что выглядело в наших глазах совершеннейшим идиотизмом – и на нашем курсе, и на факультете вообще было полно поляков, немцев из ГДР, киприотов, камбоджийцев и африканцев из разных стран, и не знать об этом мог только слепоглухой.

Там же запрещалось двигаться по тротуару мимо иностранных посольств – требовалось переходить на другую сторону улицы. У одной из наших девочек сложилась просто жуткая ситуация: чтобы попасть домой, ей надо было идти от Никитских ворот по улице Алексея Толстого², а там напротив южно-корейской миссии (тогда с этой страной еще не было дипотношений) располагалось перуанское посольство, и получалось, что идти можно только по осевой линии мостовой. Совета, как быть, она от офицеров не получила, и пришлось ей нарушать каждый божий день, как и всем нам, когда мы здоровались с нашими кенийскими и сирийскими однокашниками...

Завершилась процедура «посвящения» в военные биофаковского разлива подписанием обязательства о неразглашении содержания курса по военно-учетной специальности «биолог–зоолог–энтомолог». Все три последующих года после занятий по военной подготовке мы сдавали прошитые тетради с конспектами, опечатанные на последней странице, в спецчасть и, чтобы подготовиться к зачету или экзамену, должны были являться туда. Могу засвидетельствовать, что кроме продававшегося в биофаковском книжном киоске учебника «Медицинская паразитология» и имевших гриф ДСП³, но

¹ ВОХР – вооруженная охрана

² Теперь – Спиридоновка

³ Для служебного пользования – самая низкая степень секретности документов

издававшихся многомиллионными тиражами Уставов: Боевого, Дисциплинарного, Караульно-Гарнизонной службы и Внутренней службы, мы не учили НИЧЕГО и разгласить не могли даже под пытками. Вот пишу и думаю – а не было ли это главным секретом?